

созвездий появились календари. На основании все тех же наблюдений возникли математические вычисления, положившие начало точным наукам. Мир небесных светил и мир людей с незапамятных времен оказывали друг на друга взаимное влияние, так как в поле культуры они были обоюдным отражением друг друга – звезды определяли судьбы народов и людей, люди своими неблагоприятными поступками нарушали небесный порядок и тогда на небе являлись грозные знамения. Чтобы избежать их страшных последствий, губительных для всего живого, возникали древние ритуалы и обряды, впоследствии послужившие источником сценических представлений. Очень вероятно, что солнечное затмение, происшедшее когда-то в глубокой древности, стало одним из первых событий, оставшихся в культурной памяти жителей японского архипелага в качестве первого осознанного вызова, преодоленного собственными культурными средствами. Может быть, оно послужило тем мощным толчком, который запустил механизм культурного развития.

Япония на рубеже XIX-XX вв.:

технологии создания позитивного образа на Западе

Д. Б. Павлов

В конце XIX в., одновременно с превращением Японии в полноправный субъект международных отношений, и, особенно, накануне и в годы ее войны с Россией 1904–1905 гг. перед японским правительством встала задача благоприятного позиционирования своей страны в мире с сопутствующим идейно-политическим «наполнением» и организационным обеспечением. В Токио, задумываясь над сценариями развития мировых событий в ходе конфликта с Россией, наименее благоприятной посчитали гипотетическую возможность вступления в войну на стороне своего противника Франции и Германии при сохранении союзной Великобритании и дружественной Америкой строгого нейтралитета. Подобный расклад сил лишал Японию шансов в грядущем военном противостоянии, но состояться он мог лишь в случае, если бы эта война была воспринята на Западе как агрессия «желтого» мира против «белого», как реальная угроза христианской цивилизации. Поэтому важнейшими задачами стратегического порядка для правящих кругов стали коррективное сложившихся стереотипов восприятия своей страны в Старом и Новом Свете, завоевание симпатии и доверия Запада, нейтрализация его страха перед «желтой опасностью» и противопоставление России западной цивилизации.

В современной русскоязычной японоведческой политологии тема японского внешнего имиджмейкинга находится на подъеме. Проблемы японской национальной идентичности, пути и способы достижения ею мирового лидерства, образ Японии в сегодняшнем мире активно исследуют историки, политологи и социологи¹. Известный вклад в ретроспективное изучение тех же проблем внес и автор этой статьи². В своей

¹ См.: Молодяков В. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX в. М.–Токио, 1996; *Его же*. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи. – Глобальные вызовы – японский ответ. М., 2008, с. 41–58; Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии. – Япония 2007. Ежегодник. М., 2007, с. 116–130; *Его же*. Между миром и собой: трансформация имиджа Японии в эпоху глобализации. – Глобальные вызовы – японский ответ, с. 59–76; Жуков А. Е. Япония в мире: эволюция самооценки. – Япония, открытая миру. М., 2007, с. 39–62 и др.

² См.: Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море. М., 2004; *Его же*. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское проти-

недавней популярной работе о российско-японских «имиджевых войнах» А. Е. Куланов и В. Э. Молодяков уделили внимание интересующим нас историческим сюжетам³. Однако, поскольку они сознательно акцентировали «приватный» уровень российско-японского имиджевого соперничества, деятельность официальных токийских пропагандистов за рубежом в их книге обозначена, но не изучена. Учитывая это, автор настоящей статьи исследует официальный западно-ориентированный имиджмейкинг Японии накануне русско-японской войны и в годы самого этого конфликта с упором на организационно-финансовую сторону этой работы и технологии ее ведения. При этом под «официальным», или «государственным» имиджмейкингом понимаются не только усилия японских дипломатов. Особенностью японской правительственной пропаганды и тогда, и сегодня является участие в ней людей неофициальных – деятелей науки, культуры, искусства и т. д., деятельность которых дополняет информационную и разъяснительную работу, ведомую по официальным каналам. Идеологический конструкт, созданный и пушенный ими в оборот, заслуживает детального изучения, но в данной статье рассматривается лишь в общих чертах. Другая тема, требующая самостоятельного исследования, – имиджмейкинг Токио тех же лет на своей собственной территории, а также в колониальных и полуколониальных государствах Африки и, особенно, в странах Востока, в содержательном плане в корне отличный от адресованного Западу; его мы не будем здесь касаться вообще.

Настоящая статья основана на мемуарах очевидцев и участников описываемых событий и на документальных публикациях, в первую очередь патриарха изучения русско-японской войны 1904–1905 гг. британского историка Яна Ниша⁴ и председателя японской Ассоциации историков этой войны профессора Мацумура Масаёси⁵. Но основным источником являются материалы мировой повременной печати второй половины XIX – начала XX в. В подавляющем большинстве они остаются слабоизученными, хотя именно пресса тех лет выступала и главным «зеркалом» общественного мнения, и его основным «генератором», и «полем» идейных баталий.

востояние. – Acta Slavica Iaponica (Саппоро). 2005, vol. 22; *Его же*. «Христианский вопрос» в годы русско-японской войны 1904–1905 гг., или планировала ли Япония сделаться христианским государством (по материалам мировой печати). – Acta Slavica Iaponica. 2009, vol. 26.

³ Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007, с. 67–141.

⁴ Ian H. Nish. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires. 1894–1907. University of London, 1966; The Russo-Japanese War, 1904–1905. A Collection of Eight Volumes. – Compiled & Introduced by Ian Nish. L., 2003.

⁵ *Suyematsu Kencho* (1855–1920). The Risen Sun (1905). Introduction by Matsumura Masayoshi. – Japanese Propaganda. Selected Readings. A Collection in Ten Volumes. Series 1: Books 1872–1943. Peter O'Connor ed. Vol. 3. London: Global Oriental, 2004.

* * *

Книги о Японии на европейских языках стали появляться еще в XV–XVI вв., но непосредственное знакомство западного сообщества с этой страной состоялось лишь в 60-х годах XIX столетия. На Второй всемирной промышленной выставке, прошедшей в Лондоне в 1862 г., посланник Великобритании в Токио сэр Рутерфорд Элкок (R. Alcock) представил коллекцию произведений японского ремесла и искусства. Посетителям следующей такой же выставки в Париже в 1867 г. демонстрировался уже целый японский павильон. В результате японское искусство вошло на Западе в моду, к 80-м годам XIX в. увлечение им достигло зенита, западный мир охватил «japonisme». Этот термин в 1872 г. ввел в оборот французский искусствовед Филипп Берти (Ph. Burty), понимавший под ним «новое направление в исследованиях в области изобразительного искусства, истории и этнографии». Однако вскоре «японизм» превратился в более сложное явление, которое стало включать не только художественные и научные, но и социально-политические и экономические аспекты⁶.

В изыщной словесности Запада, на его театральных подмостках, в произведениях художников и музыкантов и даже в коммерческой рекламе все явственнее зазвучали японские мотивы⁷. Бум японской тематики затронул и книжно-журнальное дело западных стран. Если с конца XV в. и до середины XIX столетия на основных европейских языках, по данным французского библиографа Леона Пажа (L. Pages), появилось около 660 печатных произведений, посвященных Японии, то за неполную вторую половину XIX столетия их количество исчислялось уже тысячами, причем без учета русскоязычных⁸. Наиболее известными и читаемыми были ознакомительные работы, выходившие из-под пера дипломатов, ученых и миссионеров. В эпоху Мэйдзи (1868–1912) Японию в общей сложности посетили более тысячи христианских проповедников и несколько сотен профессоров из США и европейских стран. Побывав в этой стране, многие из них увлеклись ее политической и интеллектуальной историей, литературой, искусством, языком. Их произведения многократно переиздавались. Книга британского филолога Бэзила Чемберлена (B. H. Chamberlain) – «Things Japanese» к началу XX в. выдержала три издания (и переиздается по сей день); дважды публиковались труд дипломата сэра Элкока «Three Years Residence in Japan», впервые

⁶ Подробнее см.: Gabriel P. Weisberg, Yvonne M. L. Weisberg. Japonisme. An Annotated Bibliography. New York-London, 1990.

⁷ См.: Rosamund Barlett. Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness. – The Russian Review. 2008. № 1(67), p. 8–33.

⁸ См.: Wenckstern Fr. von. A Bibliography of the Japanese Empire. Being a Classified List of all Books, Essays and Maps in European Languages Related to Dai Nihon (Great Japan), Published in Europe, America and in the East from 1859–1893. Leiden-London, 1895.

вышедший в Лондоне в 1863 г., а также его работа, посвященная японскому искусству (первое издание 1878 г.). В 1870–1880 гг. на французском, немецком и русском языках увидели свет книги по истории Японии русского географа и социолога Л. И. Мечникова, читавшего лекции в Токийском университете. Но рекордсменом, вероятно, следует считать американского священника Уильяма Гриффиса (W. E. Griffis), который в 1870–1874 гг. преподавал в одном из учебных заведений Токио и одновременно обучал представителей самурайского клана Фукуи. Мечников был первым «нанятым иностранцем» (*оятай гайкокудзин*) в Японии эры Мэйдзи. Только одна его двухтомная «Империя микадо», впервые напечатанная в США в 1876 г., впоследствии выдержала 12 изданий. К появлению и дальнейшей циркуляции этих произведений токийское правительство, вероятно, непосредственного отношения не имело.

Другим каналом знакомства Запада с «things Japanese» стали работы тех немногих «пишущих» иностранцев, которые поселились в Японии, что опять-таки стало возможным лишь в эпоху Мэйдзи. Об американском журналисте греческого происхождения Лафкадио Херне (L. Hearn), которого сами японцы считали «наиболее компетентным выразителем Японии в англоговорящем мире»⁹, и его литературной деятельности нет нужды говорить особо – они широко известны. Многочисленные и талантливо написанные эссе Херна, большого поклонника и тонкого ценителя японской культуры, всегда были популярны на Западе. Зато такая фигура, как ирландский капитан Фрэнк Бринкли (F. Brinkley), сегодня незаслуженно забыта. Явившись в Токио в 1867 г. 26-летним охранником британской миссии, он навсегда осел в Японии и с годами превратился в признанного знатока истории и культуры этой страны, известного в мире коллекционера восточного фарфора¹⁰. В отличие от университетского профессора Херна, Бринкли со временем занял в Токио значительные официальные посты. В 70-е годы XIX в. он стал советником МИДа, в 1881 г. основал и до конца жизни редактировал официозную англоязычную газету «Japan Daily Mail», которую негласно субсидировало японское правительство, а с 1892 г. и также вплоть до своей кончины в 1912 г. состоял токийским корреспондентом лондонской «Times». В 1893 г. в Чикаго на английском языке вышла его книга об истории Японии, в 1896 г. в Токио – составленный им японо-английский словарь (один из лучших в мире на тот момент), в 1897 г. в Бостоне – 10-томное иллюстрированное описание Японии под его редакцией. Деятельность Бринкли получила высокую официальную

⁹ The Japan Times. 21.12.1904, № 2349, p. 6 (некролог Херна и интервью с его вдовой-японкой). Работы Херна о Японии выходили и в России в русском переводе.

¹⁰ В 1883 г. на английском языке он издал в Иокогаме «Историю японской керамики» в шести частях.

оценку – еще до войны он был включен в список трехсот наиболее заслуженных подданных микадо.

С середины 70-х годов XIX в. на Западе стали появляться сочинения и самих японцев о Японии, прошлой и настоящей, разумеется, на европейских языках¹¹. Из них наибольший общественный отклик получила популярная брошюра Нитобэ Иназо «Бусидо. Душа Японии», написанная им в бытность в США и впервые изданная там же в 1899 (или 1900) г. Судя по сохранившимся сведениям, своим появлением эта книга была обязана инициативе самого японского профессора и преподавателя У. Гриффиса. Средства жены-американки позволили ее издать, но политическую элиту Америки с ее содержанием знакомили уже японские официальные лица. Немного позже эта «книжечка», как ее скромно называл сам автор, была издана на японском языке, а в 1905 г. дважды напечатана в России на русском языке. Работа Нитобэ сделала поклонником его страны Теодора Рузвельта, в 1901–1909 гг. президента США. Если верить К. Кусахара, американского лидера с ней познакомил Такахира Когоро, тогдашний посол Японии в Вашингтоне¹². Вскоре, по признанию британского писателя Джорджа Мереди-та (G. Meredith), «бусидо, или “путь самурая” превратилось почти в английское слово», настолько глубокое впечатление сочинение Нитобэ произвело и на рядового западного читателя¹³. В общем, благодаря Нитобэ портрет Японии на Западе обогатился новыми красками. В последующие годы число публикаций японских авторов в англоязычной печати продолжало расти, причем особую активность в этой области проявлял посланник в Лондоне виконт Хаяси Тадасу¹⁴. Его биограф утверждал, что он первым из государственных деятелей Японии «осознал и использовал силу *фудэ* (кисти для письма. – В. М.)»¹⁵.

К концу XIX в. в западном мире сложился в целом привлекательный, но весьма поверхностный и чрезмерно романтизированный образ Японии, к тому же почти целиком обращенный в ее прошлое. В массовом сознании Япония воспринималась тогда как «заморское чудо», красивая, но отсталая страна изящных гейш, кукольных «мусмэ» и «дам-Хризантем», обитавших в «домиках-шкатулках»¹⁶. «Большинство

¹¹ См.: Iwao Saburo. On the Establishment of a Parliament in Japan. L., 1875; Genji Monogatari, the Post Celebrated of the Classical Japanese Romances, Translated into English by Suyematz Kenchio. L., 1882; Yoshida Sakuya. Geschichtliche Entwicklung der Staatsverfassung und des Lehnswesens von Japan. Bonn, 1890; Kaneko K. Outline of Constitution of Japan. Boston, 1891; Kaneko Kentaro. Les Institutions Judiciaires du Japon. Bruxelles, 1893 и др.

¹² Куланов А., Молодяков В. Россия и Япония: имиджевые войны, с. 90–91.

¹³ George Meredith. Introduction. – Okakura Yoshisaburo. The Japanese Spirit. L., 1905, p. XI.

¹⁴ См.: Hayashi Tadasu. For His People. L., 1903; Ibid. Introduction. – Stead Alfred. Mysteries of China. L., 1903; Ibid. Introduction. – Lloyd Arthur. Everyday Japan. L., 1903 и др.

¹⁵ The Secret Memoirs of Count Tadasu Hayashi. New York–London, 1915, p. 11.

¹⁶ См.: Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб., 1897, с. 474.

американцев, – писал, вспоминая начало XX в., американский посланник в Токио Ллойд Гриском (L. C. Griscom), – все еще представляло себе Японию цветущей сказочной страной, населенной маленькими людьми в кимоно, с веерами и зонтиками в руках»¹⁷. Однако компетентные и внимательные наблюдатели пытались предостеречь сограждан от подобного верхоглядства. В западной печати призывы относиться к Японии всерьез зазвучали еще в начале 1890-х годов¹⁸. В российском обществе, отмечал в 1902 г. преподаватель Восточного института Н. В. Кюнер, утвердилось искаженное представление о характере преобразований в Японии последних десятилетий, основанное на сочинениях западноевропейцев, в большинстве – «случайных туристов, или топтателей земного шара (globe-trotters)»: «Критики Японии называли происходившие на их глазах прогресс и перерождение дореформенной Японии, в особенности создание ею нового флота и армии – призрачными и поверхностными и видели во всех серьезных попытках японских государственных деятелей... лишь неумелые усилия слепо копировать с европейских моделей, усваивая себе внешние формы чуждой цивилизации». Отсюда – неспособность понять, что в действительности эта страна уже превратилась «в сильную нацию, с мнением которой надо считаться при каждом новом шаге в политике Дальнего Востока»¹⁹. Увы, в довоенной России эти предостережения не были в полной мере осознаны ни в императорском дворце, ни в министерствах, ни в армии, ни в обществе.

Сама Япония созданием благоприятного для себя уже не только обещекультурного, но и политического имиджа на Западе более или менее целенаправленно занялась в середине 1890-х годов. Первоначально ее акции такого рода не были систематическими, имели скорее ответный характер и не всегда достигали успеха. В 1894 г. токийское правительство озабочилось реакцией западной общественности на резню, которой сопровождался захват японскими войсками Люшунью (Порт-Артура) в ноябре этого года в ходе японо-китайской войны. Желая смягчить тягостное впечатление Запада, японские военные попытались подкупить корреспондента «The New York World» Джеймса Крилмана, сопровождавшего их армию. Крилман от взятки отказался и его статья о порт-артурских событиях, по словам американского исследователя, «мгновенно» переменяла общественное мнение США о Японии²⁰. Победа Японии над Китаем резко изменила отношение к ней и официальной России, но уже не столько из морально-этических, сколько из стратегических соображений. До этого в Петербурге Японию считали своим

«естественным союзником» (именно в японских портах зимовала русская тихоокеанская эскадра), но с весны 1895 г., с подачи министра финансов С. Ю. Витте, Токио превратился в потенциально опасного противника на Дальнем Востоке. В русской официозной прессе стали появляться воинственные статьи, предостерегавшие Японию от попыток утвердиться на азиатском материке²¹.

Иначе обстояли дела в Западной Европе. В январе 1895 г. секретарь японской миссии в Лондоне барон Александр фон Сибольд передал в редакцию «Times» документы, из которых следовало, что Китай еще с 1882 г. «замышлял вторжение в Японию», почему в нынешних условиях ее нельзя считать агрессором. Газета перепечатала присланные материалы, а в передовой статье скорректировала свои прежние обвинения Японии в «необузданной агрессивности». Анализируя итоги японо-китайской войны 1894–1895 гг., в «Times» пришли к выводу, что ситуация на Дальнем Востоке кардинально изменилась, и начали отстаивать необходимость сближения с Японией. Так состоялся поворот в позиции этого, по общему в те годы мнению, «могучего столпа всей мировой печати». Прояпонские симпатии «Times» особенно отчетливо обнаружились после того, как в 1899 г. ее международный отдел возглавил Валентин Чирол. К моменту оформления англо-японского союза в 1902 г. «Times» писала о Японии уже не иначе, как «с самой горячей симпатией»²². Колоссальный и казавшийся незыблемым авторитет этой газеты способствовал распространению японофильских настроений во всем англоязычном мире.

Если говорить о ситуации в континентальной Европе, то с весны 1898 г. в Берлине на немецком языке, но с красным солнечным диском и японскими письменами на обложке под редакцией японца Тамаи Кисак²³ начал выходить общественно-политический и экономический ежемесячник «Ost-Asien». По словам российского комментатора, этот первый открыто прояпонский журнал Старого Света публиковал материалы «о единственном в мире достойном внимания и удивления государстве “Великой Империи Восходящего Солнца”, являющейся в глазах японских патриотов воплощением чистейшей идеи прогресса и цивилизации»²⁴. Журнал не пользовался в Европе особой популярностью,

²¹ Подробнее см.: Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008, с. 195–201. Организованный затем Петербургом демарш трех великих держав, который вынудил Токио отказаться от своего самого весомого военного трофея – Ляодуна и на долгие годы превратил Россию в глазах японцев в главную угрозу своей стране.

²² The History of «The Times». The Twentieth Century Test, 1884–1912. L., 1947, p. 191, 193–196, 354–355, 373–374.

²³ Так в оригинале. – В. М.

²⁴ Современная летопись Дальнего Востока. Особое приложение к «Известиям Восточного института». С 25 июля [1900 г.] по 15 августа 1901 г. Владивосток, 1901, с. 76.

¹⁷ Lloyd C. Griscom. Diplomatically Speaking. New York, 1940, p. 224.

¹⁸ См., например: Piggot F. T. New Japan. – The Fortnightly Review. 1892, vol. 52, p. 335–345.

¹⁹ Известия Восточного института. Владивосток, 1903, т. 9, с. 5–6, 9, 11.

²⁰ Knightley Phillip. The First Casualty. The War Correspondents as Heroes and Myth-makers from the Crimea to Kosovo. Baltimore and London, 2002, p. 61.

однако свою лепту в создание благоприятного образа Японии все же внес. В 1910 г. его выпуск прекратился.

Одновременно в самом Токио занялись систематическим изучением западной прессы. Эта задача была возложена на Бюро по политическим делам, которое появилось в составе МИДа в том же 1898 г. Сбору разнообразной информации о зарубежных странах в японском внешнеполитическом ведомстве придавали чрезвычайное значение с момента его возникновения в конце 1860-х годов²⁵. В годы русско-японской войны «дом в Касумигасэки» стал мозговым центром и дирижером зарубежной и во многом внутренней пропагандистской деятельности японского правительства. Сюда стекались донесения его зарубежных представителей об отношении печати данной страны и ее общественного мнения к Японии, к ходу военных действий в Маньчжурии и событиям вокруг них²⁶. Анализ поступавших данных становился основой для корректировки тактики имиджмейкинга, внесения ситуативных изменений в содержание пропаганды и ее координации. По данным российской внешней разведки, возглавлял Бюро сам министр Комура Дзютаро, а экспертами выступали высшие японские офицеры (генералы Нагаока, Усагава) и несколько особо доверенных иностранцев, преимущественно журналистов-англичан, включая упомянутого Бринкли²⁷.

Полномасштабная проба сил японского имиджмейкинга на мировой арене состоялась в 1900 г., сразу после того, как летом 1899 г., по простому уведомлению Токио, рухнула система неравноправных договоров Японии с Западом. Наконец-то Япония на равных допущена в «спесивый и исключительный круг» великих держав! – ликовала в этой связи официозная «Japan Times»²⁸. Тогда же впервые была отработана новая технология обработки зарубежного общественного мнения. С этого времени Токио перешел к активному воздействию на информационную политику мировых новостных корпораций и тех крупных газет, с которыми удалось «договориться». Пропагандистская активность Японии образца 1900 г. имела и конкретный повод – она была вызвана ростом страха Запада перед «желтой угрозой» в связи с «боксерским» восстанием в Китае летом этого года. Хотя Япония приняла активное участие в подавлении движения ихэтуаней, опровергнув таким образом опасения, касающиеся возможности японо-китайского военно-политического союза, официальные представители Токио в Западной Европе получили указание министра Аоки Судо воздействовать в успокоительном духе на прессу страны пребывания. С 1900 г. в японской столице и

сами начали готовить информационно-пропагандистские тексты, которые после их перевода на английский язык телеграфом направлялись в Берлин послу графу Иноуэ Кацуносукэ (а тот уже рассылал их своим коллегам в западноевропейских столицах) и все тому же немцу фон Сибольду. Барон устраивал их публикацию в европейских газетах за подписью «Ariston»: псевдоним использовался, чтобы скрыть действительное – официальное токийское – происхождение предлагаемых к публикации материалов. Предписав Сибольду обеспечить тиражирование присылаемых из Японии статей в центральной печати Великобритании, Германии, Франции, Австрии и США, в июле 1900 г. министр Аоки переправил ему на эти цели 10 тыс. иен²⁹.

К концу лета 1900 г. Сибольд сумел установить контакты с крупнейшими западными телеграфными агентствами – германским «Континентальным» (Вулфа), британской новостной империей барона Рейтера, французским «Гавас» и американским «Associated Press». Японский поверенный в делах в Вашингтоне известил Токио, что еще со времен японо-китайской войны 1894–1895 гг. у его миссии установились доверительные контакты со здешней прессой, и посол Такахира выхлопотал у Аоки 4 тыс. иен на поддержание и упрочение этих связей. Из 3,5 тыс. иен, выделенных на пропагандистские цели послу в Париже Курино Синитиро в августе того же года, 1 тыс. предназначалась агентству «Гавас», которое за это добавочное вознаграждение согласилось распространять любую информацию, доставляемую японским дипломатом. Вдобавок, указание обеспечить благоприятное для правительства микадо освещение «боксерских» событий зарубежными корреспондентами в Китае получил представитель МИДа при японском экспедиционном корпусе³⁰.

В итоге, дебют Токио на мировом информационном «поле» прошел успешно – на время удалось погасить опасения Запада по поводу «желтой угрозы». Вслед за подавлением «боксерского» восстания пугало «желтой опасности» почти исчезло с газетных полос. О нем продолжала регулярно напоминать лишь российская официозная и консервативная печать³¹; иноязычная японская пресса также периодически выступала по этому вопросу, но уже с успокаивающими заявлениями³². К марту 1901 г. зарубежная пропагандистская кампания была свернута, но изучение иностранной печати, хотя и в урезанном виде, в японском МИДе продолжалось и в межвоенный период.

²⁹ Эта сумма примерно соответствует 350–400 тыс. долл. США.

³⁰ См.: Valliant R. The Selling of Japan. Japanese Manipulation of Foreign Opinion, 1900–1905. – Monumenta Nipponica. 1974. № 4, с. 415–421.

³¹ См.: «Новое время». 12(25).06.1903, № 9794, с. 3; 17(30).06, № 9799, с. 2; Приамурские ведомости. 30.11.1903, № 565, с. 2 и др.

³² См., например: «New Press» (Иокогама), 17(30).03.1901.

²⁵ См.: Панов А. Н. Японская дипломатическая служба. М., 1988, с. 65–66, 93.

²⁶ См., например: The Japan Times. 22.09.1904, № 2276, с. 3 (выдержка из телеграфного донесения посланника в Лондоне Хаяси министру Комура в Токио).

²⁷ Павлов Д. Б. Русско-японская война. Секретные операции на суше и на море, с. 435.

²⁸ The Japan Times. 18.07.1899, № 703, p. 1.

Заключение в январе 1902 г. англо-японского договора вновь оживило интерес западной общественности к Японии. В том же году в Лондоне появилась книга «Япония – наш новый союзник» журналиста Алфреда Стэда, только что совершившего поездку на Дальний Восток. Восхитившись прогрессом, которого Япония достигла за последние десятилетия, специальную главу своей работы Стэд посвятил доказательству «всеобъемлющего преобладания» этой страны в дальневосточном регионе. «Сегодня Япония является не только одной из величайших в мире наций, – писал он, – но в союзе с Англией выступает на Дальнем Востоке поистине великой державой. Остальные нации должны признать за ней право решающего голоса во всех дальневосточных делах»³³. Говоря об отношении рядовых японцев к западным людям, Стэд сообщил, что если англичане и американцы пользуются у подданных микадо «огромной симпатией», то русских, французов и немцев здесь «ненавидят безмерно»³⁴. То, что предисловие к работе Стэда написал старейший и самый на тот момент авторитетный японский государственный деятель маркиз Ито Хиробуми, показывало, что оценки британского журналиста соответствовали взглядам и намерениям официального Токио. С тех пор тема японского прогресса превратилась в один из излюбленных сюжетов западной японофильской печати.

Хотя в 1900–1901 гг. Японии удалось притушить опасения мировой общественности, касавшиеся «желтой угрозы», в самом Токио о них не забыли. Обдумывать способы нейтрализации неизбежного роста на Западе тревог такого рода в связи с началом вооруженного конфликта с Россией здесь начали еще в ходе переговоров с ней. 30 декабря 1903 г.³⁵ вопрос был вынесен на обсуждение японского кабинета министров. На заседании прозвучало опасение, что в случае, если к Японии в грядущей войне присоединится Китай, страх «желтой угрозы» толкнет Францию, Германию и, возможно, другие западноевропейские страны на вмешательство в конфликт на стороне России³⁶. Стремление всеми способами избежать превращения русско-японской войны в мировую на базе опасений Запада по поводу все той же «желтой угрозы» и максимально ограничить этот конфликт во временном и территориальном отношениях официальный Токио демонстрировал на всем протяжении войны. Здесь понимали, что длительное и широкомасштабное противостояние с коалицией мировых держав Япония выдержать не в состоянии, а для последующего урегулирования взаимоотношений с северным соседом без вмешательства авторитетного посредника не обойтись. Всем этим и был продиктован последующий взрыв японского имиджмейкинга, ориентиро-

ванного на Запад. В общем, по замечанию историка С. Окамото, в Токио «готовились к раннему заключению мира еще до того, как война началась»³⁷.

До начала войны оставался месяц, а японский МИД уже предписал послу в Германии вновь оказать необходимое воздействие на германскую и австрийскую прессу³⁸. В Токио не забыли и о бароне Сибольде, которому в феврале 1904 г. было установлено ежемесячное пособие в 500 иен, не считая возмещения путевых издержек. По отзыву обозревателя «Русского вестника», мартовская (1904 г.) «тетрадка» берлинского «Ost-Asien» оказалась наполнена «дикими и бессмысленными нападениями на Россию и русских»³⁹. И тогдашние российские разведчики и пресса, и современные исследователи, включая японских, сходятся во мнении, что в годы войны Токио стремился манипулировать и своей, формально свободной, повременной печатью, и мировой прессой и информационными агентствами⁴⁰. Во Франции, учитывая пророссийские симпатии французов и соответствующий настрой местной печати, посол Мотоно Итиро предложил ограничиться «смягчением» ее нападок на Японию, для чего, по его соображениям, ежемесячно требовалось 4–5 тыс. франков. Токио согласился, и 5 марта 1904 г. Мотоно рапортовал о заключении секретной договоренности о сотрудничестве с парижскими газетами «Le Temps» и «Siecle». Министр Комура предложил развить успех, ассигновав на подкуп французской прессы 6500 франков в виде ежемесячной субсидии⁴¹. Несмотря на эти денежные вливания, в целом французская печать до конца войны осталась умеренно русофильской. Позицию германоязычной прессы военных лет можно определить как дружественно нейтральную к обеим конфликтующим сторонам примерно в равной степени.

В Лондоне японские дипломаты стремились извлечь максимальную пользу из особых отношений, которые сложились у главы их миссии с редакцией «Times». С шефом ее международного отдела Хаяси сблизился еще в середине 1890-х годов, когда тот был пекинским корреспондентом этой газеты (сам Хаяси в те годы работал посланником в Китае). Частота, с которой на страницах британской печати с первых месяцев войны выступал Хаяси, дала повод одному из современников в шутку назвать его «внештатным сотрудником информационного агентства». Обозреватель «Fortnightly Review» (это был тот же А. Стэд) отметил, что во всем мире японские официальные представительства

³⁷ Окамото С. Японская олигархия в русско-японской войне. М., 2003, с. 312–313.

³⁸ Мацумура М. Российская пропаганда во время русско-японской войны 1904–1905 гг. – Россия и АТР. Владивосток, 2002. № 4, с. 65.

³⁹ Русский вестник. 1904, т. 290, март, с. 235.

⁴⁰ См.: Toshi Minohara. The 'Rat Minister': Komura Jutarō and US-Japan Relations. – The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Leiden-Boston, 2007, vol. 2, p. 559.

⁴¹ Valliant R. The Selling of Japan, p. 430.

³³ Stead Alfred. Japan, Our New Ally. L., 1902, p. 224.

³⁴ Ibid, p. 97–98.

³⁵ Здесь и далее все даты даются по «новому» стилю.

³⁶ МИД Японии. 1969, т. 1, с. 219 (на яп. яз.). – Цит. по: Valliant R. The Selling of Japan, p. 421.

оказались «несколько неожиданно превращены в центры по распространению военных новостей». По его мнению, это – опыт, который в будущем следовало использовать и другим государствам⁴². «Японские победы одержаны были в редакциях лондонских газет и телеграфных агентств», – ядовито комментировало сложившийся неформальный альянс петербургское «Новое время»⁴³.

Самостоятельным направлением деятельности японских официальных представителей в странах Запада являлось издание пропагандистских материалов, изготовленных по их заказу самими европейскими перьями. Летом 1904 г., по заданию Макино, «звезда» европейской тюркологии, публицист и полиглот, 72-летний профессор Будапештского университета Арминиус Вамбери, который ранее не раз выступал в печати (включая англоязычную японскую) с анализом «российской агрессивной политики в Азии»⁴⁴, написал брошюру с критикой концепции «желтой угрозы». Брошюра была издана 10-тысячным тиражом на немецком и французском языках. Японской казне этот проект обошелся в 1,7 тыс. иен⁴⁵. 34-летний журналист Отто Эльтцбахер, публикуя в июньском (1904 г.) номере англо-американского ежемесячника «Nineteenth Century» статью о той же «желтой угрозе», также использовал материалы, негласно предоставленные ему японской стороной. Этот британский автор⁴⁶ трактовал проблему принципиально иначе. Он доказывал, что «по своей расе, обычаям, искусству, мысли и общей культуре» Россия «более желтая, чем белая, более азиатская, нежели европейская страна», почему в отличие от Японии или Китая и является основным источником опасности для Запада. При этом Эльтцбахер цитировал высказывания видного японского политика и государственного деятеля графа Окума Сигэнобу, сделанные последним накануне на родине по-японски⁴⁷.

Свой вклад в западно-ориентированный имиджмейкинг Японии вносили публикации англоязычных газет, выходивших в самой Японии, особенно «Japan Daily Mail» Бринкли и «Japan Times» (создателем последней был выпускник Йеля Дзумото Мотосада, который в годы войны состоял пресс-атташе токийского внешнеполитического ведомства).

⁴² Stead Alfreed. Japan's Aspirations and Internationalism. – Fortnightly Review. 1904. August, p. 314.

⁴³ Новое время. 05.02.1904, № 10030, с. 4.

⁴⁴ См., напр.: Vambery A. England and Russia in Asia. – The Japan Times. 27.02.1902, № 1494, p. 4; Ibid. The Agitation against England's Power. – The Nineteenth Century and After. New York and London, 1903, January–June, vol. LIII.

⁴⁵ См.: Valliant R. The Selling of Japan. p. 429.

⁴⁶ Немец по рождению, в конце XIX в. Эльтцбахер эмигрировал в Великобританию. С главой японской миссии в Лондоне его, вероятно, свел министр колоний Джозеф Чемберлен, который привлекал Эльтцбахера к сотрудничеству как публициста.

⁴⁷ The Nineteenth Century and After. London, 1904 (June), vol. LV, p. 925.

«Везде в газетах торжество победы японцев над русскими на реке Ялу, – записал в дневнике 7 мая 1904 г. глава японской православной церкви епископ Николай Токийский. – Особенно английская “Japan Daily Mail” расписывает в восторгах. Captain Brinkley, издатель, напоминает ужасного отвратительного сластену, который, когда попадется ему лакомый кусок, смакует его и чавкает до бесконечности... и японцы у него – герои и гении, а о русских, где упомянет, то только для того, чтобы плюнуть на них злой насмешкой или руганью»⁴⁸. Сообщения и оценки японской англоязычной печати широко использовала и тиражировала западная русофобская пресса, и наоборот. Австралийские «ежедневные издания, печатаемые в главных городах, – сообщал из Мельбурна российский консул в марте 1904 г., – ... суть исключительно английские органы..., пресса явно стала на сторону Японии, все получаемые сведения тенденциозны, подтасованы и, безусловно, враждебны нам. Частные сведения и корреспонденции, получаемые из Европы и с Дальнего Востока, по направлению не отличаются от телеграмм. А что касается передовых статей, разбора и толкования известий, то я никогда не видал ... ничего столь несправедливого, столь тупо-враждебного и ядовитого, как печатаемое в здешних газетах ... Благодаря этому дошли до полного извращения фактов и нестеснения никакою ложью – выставляют на вид корректность, человеколюбие, цивилизованность и рыцарство японцев, обвиняя нас во всем обратном. В России сверху донизу никто не обойден беззастенчивою клеветой; нет гадости, которая бы не приписывалась нам – все сплошное глумление и издевательство»⁴⁹.

В распоряжении Токио имелись и другие рычаги воздействия на информационную политику газет и крупнейших мировых новостных корпораций, а значит, и на мировое общественное мнение. Телеграмма агентства «Рейтер» о намерении японцев в ближайшее время атаковать Порт-Артур, отправленная из Токио 7 февраля 1904 г., пришла в Лондон и Нью-Йорк, но в Петербург передана так и не была. «Сегодня Япония высадит свои войска, Корея будет захвачена», – гласил аншлаг утреннего выпуска «New York Times» от 8 февраля, и это нападение действительно состоялось в тот же день. В течение всей войны в Токио в качестве руководителя местного бюро «Associated Press» находился Мартин Иган, который, по мнению русской разведки, служил связующим звеном между этим новостным синдикатом и Бюро прессы японского МИДа. Помимо этого, Иган выступал докладчиком на собраниях и парадных обедах с участием видных японских чиновников и (что в данном случае важнее) зарубежных корреспондентов в качестве свое-

⁴⁸ Дневники Святого Николая Японского. СПб., 2004, т. 5, с. 75–76.

⁴⁹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 184, оп. 520, д. 1127, л. 27–28, 29 об. Письмо консула А. Устинова послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу. Мельбурн, 03.03.1904, № 45.

образного «камертона» для настройки на нужную тональность всего здешнего журналистского сообщества. Председательствуя на банкете в токийском Кленовом клубе в марте 1904 г., он (по газетному отчету) «выразил восхищение западных людей тем прогрессом, которого Япония добилась за последние годы, и восхвалял терпение ее народа, проявленное в ходе недавних переговоров с Россией». Последнее замечание вызвало особенное одобрение заместителя министра иностранных дел Тинда Сотэми, который находился в зале. Дальнейшие указания Игана на «отвагу японских моряков» под Порт-Артуром настолько воспламенили слушателей, что корреспондент «The New York Globe» и «Collier's Weekly» Фредерик Палмер под одобрительные возгласы коллег поклялся следовать за японской армией куда угодно – «вплоть до Москвы и Петербурга»⁵⁰.

Открытие военных действий на Дальнем Востоке превратило Токио в журналистскую «мекку». Уже к концу февраля – началу марта 1904 г. в японскую столицу съехалось около 50 зарубежных журналистов, в дальнейшем их число приблизилось к 200. Еще ни одна война в истории человечества не привлекала такого наплыва иностранных корреспондентов, заметил в этой связи один из ветеранов американской военной журналистики⁵¹. Японские власти радушно принимали заморских гостей, размещали их в лучших гостиницах Токио, устраивали для них экзотические экскурсии и банкеты, организовывали пресс-конференции и интервью руководителей кабинета министров и других крупных чиновников, но в Маньчжурию и Корею категорически не пускали. «Более десятка журналистов приехали в Токио из США и Европы с тем, чтобы собирать информацию и освещать войну и дипломатию. Ежедневно они ходят в министерство иностранных дел, но им не дают фактов, – писала токийская “Хэймин симбун”. – ...Поэтому журналисты начали собирать информацию другими способами и попытались отправить ее домой телеграфом. Однако большинство этих телеграмм было цензурировано почтой, причем без ведома отправителей... Затем они попытались писать письма, но и те были подвергнуты цензуре... Иностранные корреспонденты написали об этом статьи и отправились в Иокогаму просить матросов переправить эти статьи из третьих стран..., но ни одна из токийских газет не сообщила об этом инциденте»⁵². В январе 1905 г. японские власти запретили выход «Хэймин симбун», которая тогда была единственной в стране, относительно высокотиражной оппозиционной газетой.

Американский посланник в Японии также вспоминал о жестокой цензуре, которой подвергалась переписка иностранных корреспондентов,

причем отметил, что «раньше никто даже не слышал о таких строгих ограничениях»⁵³. По его же свидетельству, с началом войны в Токио заработала «хорошо отлаженная система шпионажа» за иностранцами, не исключая тех, кто открыто (как и сам мемуарист) объявил себя сторонником Японии. Л. Гриском со временем убедился, что содержание его секретных депеш в Вашингтон становится известно министру Комура, а дворецкий его посольства – переодетый полицейский, причем «сходные проблемы были и у англичан»⁵⁴. Позднее военный корреспондент лондонской «Daily Telegraph» рассказывал, что в Токио он сам и его коллеги из «Chicago Daily News» находились «под постоянным надзором японских властей и им неоднократно угрожали арестом». Из записной книжки одного из них, оставленной в отеле, некий японский офицер в отсутствие хозяина вырвал «все листки с заметками о войне и старательно положил ее на прежнее место»⁵⁵. Писатель Джек Лондон, который прибыл в Японию в качестве военного корреспондента «San-Francisco Examiner», и вовсе попал в полицейский участок за попытку сфотографировать прибрежные укрепления Внутреннего моря, а его фотокамеру власти конфисковали. Для освобождения писателя понадобилось личное вмешательство американского посланника⁵⁶. Несмотря на это, общий настрой англоязычной печати в отношении Японии остался позитивным, но хвалебные отзывы о японском гостеприимстве, воспитанности и добросердечии звучали заметно реже.

В годы войны в японском МИДе было продолжено фронтальное изучение материалов зарубежной повременной печати, так или иначе посвященных Японии, России или их конфликту. Теперь речь шла уже о десятках англо-, германо- франко- и русскоязычных газет и журналов, не только центральных, но и таких специальных и сравнительно редких, как «Victoria Colonist», «Methodist Recorder», «Colombo Observer», а также туземной и иноязычной прессы Гонконга, Пекина, Шанхая, Тяньцзиня, Гонолулу и других крупных азиатско-тихоокеанских центров. После их тщательного изучения статьи, благоприятные для Японии и критические в отношении России, направлялись в центральные японские периодические издания для перепечатки, указания на недостатки Японии и достоинства ее противника, если упоминались, то получали должный отпор. Японская пропаганда тиражировала через свою прессу материалы откровенно антироссийской направленности, которые появлялись в зарубежных англоязычных периодических изданиях. Наибольшей популярностью пользовались статьи полковника Чарльза Корт-Репингтона, военного обозревателя «Times». Уже в 1905 г.

⁵⁰ The Japan Times. 05.03. 1904, № 2105, p. 3.

⁵¹ Palmer Frederick. With Kuroki in Manchuria. New York, 1904. p. 28.

⁵² Цит. по: Macdermid Susan Ch.. Print Capitalism and the Russo-Japanese War. Master of Arts thesis. University of British Columbia, 1990, p. 81–82.

⁵³ Griscom Lloyd C. Diplomatically Speaking, p. 245–246, 249.

⁵⁴ Ibid., p. 244.

⁵⁵ Приамурские ведомости. 24.12.1904, № 730, с. 2. (Перепечатка из «The China Gazette»).

⁵⁶ Griscom Lloyd C. Diplomatically Speaking, p. 245–246.

они были собраны под одной обложкой и изданы сначала в японском переводе газетой «Дзи-Дзи Симпо», которую негласно патронировал виконт Т. Хаяси, а затем и на английском языке – в Лондоне в виде 600-страничного фолианта с посвящением автора микадо и его подданным, достоинства которых всячески превозносились⁵⁷. То, что статьи британского военного журналиста были наполнены разного рода домыслами в отношении России и ее армии, никого не смутило.

Сотрудник российской внешней разведки утверждал, что вообще всякое известие с театра войны либо о внутренней жизни России или Японии, прежде чем попасть в печать, поступало в «Пресс-бюро» токийского внешнеполитического ведомства. «Там оно цензурировалось, редактировалось (или упразднялось) и затем уже посылалось в агентство «Рейтер» и «Associated Press», а также в немного измененной форме сообщалось японским консулам для передачи в субсидируемые газеты как частные телеграммы под заглавием: «*From our own correspondent*» или «*Special to the*»⁵⁸.

Большое внимание было уделено иноязычным газетам и журналам, которые выходили в крупнейших городах Китая. Именно в этом «котле» варилась новостная и, во многом, оценочная картина маньчжурской бойни. Из него, ввиду ограничений, введенных японскими властями для представителей прессы, зачастую были вынуждены черпать сведения ведущие органы печати и мировые информационные корпорации. Между тем, японцы негласно контролировали китайский информационный рынок еще с довоенных времен. Главным его дирижером выступало японское генеральное консульство в Шанхае во главе с Одагири Масуносукэ⁵⁹. «В момент объявления войны, – сообщал тот же российский чиновник, – в Шанхае издавалось шесть китайских, пять английских, одна французская, одна японская газета и одно немецкое еженедельное издание. Из них субсидировались японцами – все пять английских, пять китайских газет... и японская. Обходилось это японскому правительству приблизительно в 30 тыс. долл. в месяц». «Таким образом, – заключал автор доклада, – вся печать Шанхая контролировалась японцами до и в начале войны. Если теперь добавить к этому, что то же самое делалось в Гонконге и Тяньцзине с газетами “Hong-Kong Telegraph”, “China Mail”, “Hong-Kong Daily Press”, “China Times”, “Peking and Tientsin Times” и всей китайской печатью, то получится полная картина японской деятельности в области прессы»⁶⁰. Такими

методами Токио стремился установить тотальный контроль над средствами массовой информации, ориентированными на западного потребителя, где бы те ни издавались.

Но и это было не все. С первых дней войны за работу взялись профессиональные пропагандисты, направленные Японией на Запад. Еще в начале января 1904 г. барон Суэмацу Кэнтэ, зять бывшего премьер-министра и действующего председателя *гэнро* маркиза Х. Ито и сам бывший министр внутренних дел Японии, направил Ито и военному министру маршалу Ямагата Аритомо записку, в которой предложил себя в качестве посланца на Запад. Он считал себя способным «увеличить симпатии» к Японии в Англии и США⁶¹. Действительно, Суэмацу как выпускник Кембриджа, много лет проживший в Великобритании и свободно владевший английским языком, обладатель научных степеней и человек высокоодаренный (в печати, и не только японской, он выступал как публицист, историк, правовед, переводчик и театральный критик) идеально подходил для подобной роли. К тому же в тот момент 49-летний барон был свободен от государственной службы.

4 февраля премьер-министр, граф Кацура Таро, вызвал его телеграммой из загородного поместья в Токио и на следующий день в резиденции министра-президента между ним и министром иностранным дел Комура произошел важный разговор. Кацура одобрил проект Суэмацу и предложил ему без промедления отправиться в Европу со специальной пропагандистской миссией. Если России удастся привлечь симпатии европейцев и американцев на свою сторону, указал он собеседнику, Японию ждут большие неприятности; ввиду этого ей следует максимально прояснить миру собственную позицию, оттенив свои отличия от России. Проблема финансов не должна беспокоить барона, заметил премьер, поскольку этими вопросами на Западе будет заниматься «специальный агент». Накануне – вечером 4 февраля – аналогичное собеседование маркиз Ито провел в своей резиденции с бароном Канэко Кэнтаро, членом Палаты пэров парламента и бывшим министром сельского хозяйства и министром юстиции Японии. Суэмацу предстояло отправиться в Великобританию, а 50-летнему питомцу Гарварда Канэко – в США. Перед отъездом, о котором японская печать сообщила уже 9 февраля⁶², оба пропагандиста были снабжены письменной инструкцией, важнейшие пункты которой звучали так:

«1. Мы должны убедить британцев, что наше правительство употребило все средства для достижения компромисса с российским правительством и что война стала неизбежной вследствие действий последнего.

⁵⁷ См.: The War in the Far East, 1904–1905 by the military correspondent of «The Times». London, 1905.

⁵⁸ «От нашего собственного корреспондента», или «специально для» (англ.).

⁵⁹ Подробнее о его деятельности см.: Павлов Д. Б. Китай, 1904–1905: русско-японское идейно-пропагандистское противостояние. – Acta Slavica Iaponica (Саппоро). 2005, vol. 22, с. 53–73.

⁶⁰ Цит. по: Павлов Д. Б. Русско-японская война 1904–1905 гг. Секретные операции на суше и на море, с. 435–436.

⁶¹ Matsumura M. Introduction. – Suematsu Kencho. The Risen Sun. p. 1–2.

⁶² The Japan Times. 09.02.1904, № 2084, p. 2.

2. Поскольку чувства “желтой опасности” находятся в числе потаенных мыслей европейцев и американцев, а Россия их всячески подготавливает, нам следует предотвратить их грядущую вспышку.

Отсылая копию этой инструкции в Лондон посланнику Хаяси, в сопроводительном письме министр Комура подчеркнул: «Манипулируя британской прессой, мы должны настойчиво объяснять правоту нашего дела и отстаивать свои интересы, показывая, что японское правительство оказалось вынужденным взять в руки оружие для самозащиты и что опасения “желтой угрозы” беспочвенны»⁶³. Если верить воспоминаниям Канэко, Ито инструктировал его сходным образом с той лишь разницей, что провидчески указал, что именно США выступят посредником в будущем урегулировании российско-японских отношений⁶⁴.

Суэмацу вместе со специалистом по буддийской философии, профессором Токийского университета Такакусу Дзюндзиро и знатоком немецкого языка Томозэда Такахико прибыл в Ливерпуль 14 марта, оттуда сразу переехал в Лондон, где, поселившись в отеле, уже через два дня дал первое на британской земле интервью агентству «Рейтер»⁶⁵. 18 числа его принял глава британского министерства иностранных дел Лансдоун (Lansdowne), которому Суэмацу передал личное послание маркиза Ито. В дальнейшем, в бытность в Лондоне японский барон пользовался полным расположением и поддержкой со стороны отца и сына Чемберленов, представителей известнейшего клана британских государственных деятелей и крупных бизнесменов⁶⁶. Со временем доверительные отношения у него сложились и в редакции «Times». Шеф международного отдела этой газеты мог запросто огласить текст обширного доклада Суэмацу от его имени на собрании почтенного ученого общества (в данном случае – лондонского «Central Asian Society»⁶⁷), не говоря уже о той, открыто прояпонской позиции, которой это издание придерживалось практически на всем протяжении дальневосточного конфликта. За полтора года своего пребывания в Лондоне японский пропагандист выступал с публичными лекциями в научных обществах и клубах («Society of Arts», «Constitutional Club», «Reform Club» и т. д.), дал множество интервью, опубликовал две книги и не менее 25 эссе и статей в западноевропейской повременной печати.

⁶³ Цит. по: *Nish Ian H.* The Anglo-Japanese Alliance: The Diplomacy of Two Island Empires, 1894–1907, p. 388–389.

⁶⁴ См.: *John Albert White.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton University press. Princeton, New Jersey, 1964. P. 156–157.

⁶⁵ The Japan Times. 15.03. 1904, № 2113. p. 3; *Matsumura M.* Introduction. – *Suematsu Kencho.* The Risen Sun, p.6.

⁶⁶ Старший – Джозеф Чемберлен (1836–1914) в 1895–1903 гг. был министром колоний и одним из самых влиятельных политиков Великобритании поздневикторианской эпохи; младший – Остин (1863–1937), с которым Суэмацу познакомился еще в годы учебы в Кембридже, занимал в кабинете А. Бальфура пост канцлера казначейства (министра финансов).

⁶⁷ См.: The Japan Times. 06.04.1905, № 2434, p. 4.

Барон Канэко отправился в Новый Свет 24 февраля, формально – для ознакомления с японской экспозицией на всемирной выставке в Сент-Луисе. Компанию ему составил вице-президент Банка Японии Такахаси Корэкиё, задача которого заключалась в добывании иностранных займов. Благополучно сойдя на берег в Сан-Франциско 25 марта, Канэко 29 марта прибыл в Вашингтон, тут же встретился со своим сокурсником по Гарварду президентом Рузвельтом и с ходу включился в бурную агитационно-пропагандистскую деятельность, которую в США развернули его коллеги-дипломаты. В ходе последующих встреч с американским президентом и госсекретарем Дж. Хэем Канэко обсуждал со своими высокопоставленными собеседниками проблему «желтой угрозы», отношение Западной Европы к победоносной Японии, вопрос об уважении Японией прав великих держав в Китае, перспективы окончания войны и возможные условия мирного договора с Россией⁶⁸.

Отправляясь за океан, Канэко намеревался негласно субсидировать несколько крупных американских газет. Однако, ознакомившись с ситуацией на месте и убедившись, что подкуп российским послом графом А. П. Кассини «New York Herald» и «Washington Post» не принес российской стороне ожидаемых дивидендов, отказался от этой затеи. Взамен он начал давать американским журналистам банкеты, устраивать с ними вечеринки, в общем, стремился расширить круг знакомств в газетном мире путем светского общения. Не менее активно и успешно он устанавливал и развивал контакты с американскими университетами, организациями ученых, общественных и религиозных деятелей, часто выступал на многочисленных митингах, парадных обедах, банкетах и на собраниях различных обществ, читал лекции в университетах и клубах, и содержание этих выступлений так же подробно освещала мировая печать. Одних лекций он, по собственным подсчетам, прочитал более ста. Текст только одного из десятков его публичных выступлений (лекции в Гарварде, прочитанной 26 апреля 1904 г.) был опубликован не только повременной печатью (газетой «Boston Herald»), но и распространен в виде отдельной брошюры тиражом в шесть тысяч экземпляров⁶⁹.

«Если Россия игнорировала общественное мнение Великобритании и Америки, то Япония использовала любую прямую и косвенную возможность, чтобы успокоить его, – отмечал современник, британский журналист. – Ее платные агенты читали для британцев лекции о красотах и величии Японии. Была начата тщательная и умная пропаганда в прессе, поддержано издание всевозможных книг и статей, начиная с серьезных политических научных трактатов и кончая популярными

⁶⁸ См.: *White J.* The Diplomacy of the Russo-Japanese War, p. 158–163.

⁶⁹ *Valliant R.* The Selling of Japan, p. 425.

произведениями, все из которых воспевали ее славу. Япония сумела создать вокруг себя благоприятную атмосферу»⁷⁰. «Чрезвычайно характерно для Японии, – писала в 1904 г. в передовой статье “New York Times”, – стремление использовать всякую возможность, дабы объяснить и оправдать в глазах мировой общественности свои действия, которые в итоге привели ее к войне с Россией. Она поведала миру о каждом своем шаге, тогда как Россия придерживается тактики уклончивой и тайной дипломатии»⁷¹.

В результате Япония сумела завоевать почти всеобщие симпатии Запада и в первой половине 1904 г. в идейно-пропагандистском плане, безусловно, доминировала. Угрозу зачисления в агрессоры и «варвары» ей удалось от себя отвести. Мрачным предчувствиям Запада японская зарубежная пропаганда, с одной стороны, противопоставляла настойчивые указания на духовную близость японской культуры и западной цивилизации (барон К. Канэко неоднократно заявлял в печати, будто на Дальнем Востоке Япония «сражается в интересах англо-американской цивилизации», а не в своих собственных⁷²) и опровержение тезиса о войне Японии с Россией, как о столкновении христианского государства с языческим, а с другой – стремилась всячески дистанцировать свою страну от Срединной империи. Многие американские и западноевропейские журналисты, политические и общественные деятели охотно высказывались на тему об агрессивности России, возлагая именно на нее ответственность за развязывание конфликта. Нередко их рассуждения на этот счет оказывались приправлены и русофобством почти в расистской дозе. В вышедшей весной 1904 г. книге под названием «Русские дела» англичанин Джеффри Дрейг (G. Drage) писал о российской «византийской дипломатии», с помощью которой она «тихо, но непрерывно продолжала утверждаться в Маньчжурии, категорически, однако, отрицая наличие у себя подобных намерений». По мнению британского публициста, этот опыт является наглядным уроком для понимания методов российской политики вообще. «Никакие договоры никогда не остановят наступления русских, пока они не убедятся, что за их следующим шагом неизбежно последует война», – заключал Дрейг⁷³. Рецензент Дрейга не только согласился с его выводами, но от себя указал на «фундаментальные различия славянского и западного характеров»; «англо-саксонские и русские идеалы», по его мнению, «разделяет пропасть»⁷⁴.

Как бы красноречиво и успешно ни доказывали токийские пропагандисты близость японской культуры христианской цивилизации,

неразумно было бы совершенно отбрасывать такую выигрышную и уже успевшую утвердиться на Западе грань образа Страны Восходящего Солнца, как ее очаровательная «диковинность». Для возобновления этого пропагандистского мотива вскоре представился подходящий повод. Весной 1904 г. в американском Сент-Луисе открывалась очередная всемирная выставка, которая могла стать хорошей «площадкой» для Токио в плане обработки мирового общественного мнения и, одновременно, явиться удобным предложением для отправки своих эмиссаров на Запад. Япония не поспешила на аренду большого участка земли для размещения своих павильонов, причем, когда стало известно, что Россия отказывается от участия в выставке, стала первой, кто заявил о готовности выкупить и ее территорию (организаторы отказали).

10 февраля 1904 г. из Токио в Сент-Луис отправилась группа деятелей культуры во главе с 42-летним Окакура Какузо, искусствоведом и публицистом националистического толка, в недалеком прошлом – куратором токийского Императорского музея, руководителем Японской академии изящных искусств и вице-президентом Общества японских художников, которые находились под патронатом императорской семьи. Непосредственная цель миссии Окакура заключалась в популяризации и продаже предметов японского искусства западным музеям и частным коллекционерам, причем вырученные средства предназначались для пополнения японского военного фонда. Но искусствоведу Окакура это задание явно было не по душе: «Из-за войны Япония лишится многих самых замечательных своих коллекций», – сокрушался он в интервью «New York Times»⁷⁵. Тем не менее, часть коллекции одного из богатейших токийских торговцев, видного собирателя предметов традиционного японского искусства Окура Кихатио была выставлена на продажу в США за астрономическую сумму в 1 млн. долл.⁷⁶

Но, как показала практика, у миссии Окакура была и более общая пропагандистская задача. В американской, а затем и британской печати стали появляться его искусствоведческие и философско-религиозные труды, которые, по словам его биографа, завоевали широкую популярность, «оказав большое влияние на восприятие японской культуры на Западе»⁷⁷. Еще в июле 1903 г. вышла работа Окакура о влиянии на японское и все азиатское искусство буддизма, которая до конца 1905 г. выдержала три англоязычных издания. Содержание книги передал американский обозреватель, который свою рецензию на нее озаглавил:

⁷⁵ The New York Times. 20.03.1904, p. 6.

⁷⁶ Японская официозная печать сообщала, что Окура добровольно, из патриотических побуждений, выставил свою коллекцию на продажу, а представители западной прессы в Японии довели это его желание до западного читателя. – The Russo-Japanese War. [Tokyo]. 1904, June, № 2, p. 282.

⁷⁷ Kodansha Encyclopedia of Japan. Tokyo, 1986, vol. 6, p. 79.

⁷⁰ McKenzie F. A. The Tragedy of Korea. London, 1908, p. 105.

⁷¹ The New York Times. 1904. July 9. № 17009, p. 8.

⁷² The Japan Times. 26.07.1904, № 2226, p. 4.

⁷³ The Times Literary Supplement. 01.04.1904, № 116, p. 98.

⁷⁴ Ibid.

«Азия, мать идей»⁷⁸. В своей следующей работе («Пробуждение Японии», ноябрь 1904 г.) Окакура прямо писал о проникновении в Японию западных влияний как о «черном дне Азии», о том, что «сердце Старой Японии еще громко бьется» и т. п.⁷⁹ Так у «Януса» внешнего японского имиджмейкинга стало проступать второе, прежнее, но уже несколько подзабытое, лицо.

Тема своеобразия японской культуры и уникальности национального менталитета зазвучала и из уст не вполне официальных. Выступая в феврале 1905 г. в лондонской Школе экономики, токийский профессор Окакура Ёсисабуро (младший брат упомянутого искусствоведа), приглашенный Лондонским университетом, отличие «жизненной философии» японцев «от всех ныне существующих западных наций» обосновал тем, что его соотечественники «с незапамятных времен управляются наследниками Богини Солнца». Затем японский лектор сообщил британским экономистам, что сын этого божества «послал своего внука вниз на землю управлять Японией, а правнук Дзимму основал императорскую династию, которая правит страной непрерывно вот уже 2500 лет», из чего, между прочим, следовало, что японская государственность намного древнее европейской. Отдавая должное влиянию западных идей («наш мыслительный прожектор сегодня направлен на Европу и Америку в поисках тех новых идей для последующего развития, которые мы ранее черпали из Китая и Индии»), основной пафос своего выступления японский лектор все же построил на противопоставлении жизненного уклада своих соплеменников западным стандартам, начиная с представлений о женской красоте и кончая обстановкой жилого помещения (убранство европейского жилья, заметил он, «довольно отвратительно на наш вкус»)⁸⁰. В том же году Окакура-младший издал свои лекции отдельной книгой, которая вышла в Лондоне с авторским посвящением старшему брату и хвалебным предисловием Дж. Мередита.

Смысл и тон публичных выступлений официальных токийских пропагандистов к тому времени также заметно изменился. Рассуждая в мае 1905 г. на страницах «Deutsche Revue» о характере взаимоотношений Запада и Востока по окончании войны, барон К. Суэмацу убеждал европейцев не бояться «ненависти со стороны Японии», ныне вставшей в один ряд с мировыми великими державами. «Если Запад не будет демонстрировать своего презрения к азиатам по расовому и религиозному признакам, — обещал он, — никаких осложнений не возникнет»⁸¹. О близости японской и западной культур и готовности его страны и впредь отстаивать интересы последней речи, понятно, идти уже не могло.

* * *

Таким образом, рубеж XIX–XX вв. стал временем резкой активизации Японии в деле целенаправленного создания собственного благоприятного международного имиджа. Полномасштабный дебют японского имиджмейкинга, рассчитанного на западную аудиторию, состоялся на исходе XIX столетия. С началом русско-японской войны в 1904 г. Токио пошел уже на чрезвычайные меры, направленные на дальнейшую популяризацию Японии при одновременной дискредитации соответствующих шагов и самого образа противной стороны. Перед японскими пропагандистами, направленными на Запад, была поставлена задача нейтрализовать пугало «желтой угрозы», затушевать представление о войне как столкновении христианской страны с нехристианской с тем, чтобы не допустить объединения против себя западных государств в любой форме и предотвратить перерастание локального дальневосточного конфликта в мировой. В общем, речь шла как о создании во многом «выдуманной реальности» (по терминологии Бенедикта Андерсона⁸²) в виде специфического идеологического конструкта, так и о его внедрении в западное общественное мнение.

В значительной степени этих целей удалось достичь уже к середине 1904 г. Особенно впечатляющих успехов японская пропаганда добилась в англоговорящем мире. Учитывая это на фоне собственных военных побед, в Токио сочли, что последующее развитие международной обстановки по наиболее пессимистическому для Японии сценарию уже маловероятно, и не ошиблись в этом. Сверхзадача западно-ориентированного имиджмейкинга оказалась, таким образом, в основном выполненной. Поэтому клише пропагандистского репертуара в их первоначальной редакции начали постепенно сходить на нет. Западному сообществу все настойчивее стала внушаться мысль, что западные и традиционные японские этика, нравственность, философия, искусство, религиозные предпочтения и весь жизненный уклад весьма и весьма различаются. Ко времени окончания дальневосточного конфликта тема японской уникальности превратилась уже в ведущую.

По меркам своего времени, японский имиджмейкинг был беспрецедентно масштабным. Он охватил полмира — США и крупнейшие западноевропейские государства с их колониями, территорию самой островной империи и сопредельных ей стран. Токио стремился не просто контролировать весь тот огромный информационно-оценочный поток, который обслуживал интерес западного сообщества к самой Японии, а затем и к ходу русско-японской войны, но самостоятельно создавать его или, как минимум, манипулировать им в выгодном для себя направлении. По

⁷⁸ The New York Times. 25.06.1904, p. 1.

⁷⁹ Okakura Kakuzo. The Awakening of Japan. Tokyo, 1940 (по английскому изданию 1904 г.).

⁸⁰ Okakura Yoshisaburo. The Japanese Spirit. L., 1905, c. 37, 43–45, 100–101, 127.

⁸¹ Цит. по: The Japan Times. 27.06.1905, № 2505, p. 6.

⁸² Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London-New York, 1991.

данным русской разведки, в период войны на пропагандистские цели японское правительство в совокупности тратило до 10 млн. иен в год.

Эта пропагандистская деятельность была тщательно продумана и сбалансирована, хорошо организована, велась в активной наступательной манере и использовала важнейшие из существовавших тогда способов воздействия на общественное мнение. Ее главными «площадками» стали повременная печать, книжное и выставочное дело, различные по составу массовые аудитории, второстепенными – частные беседы с крупными государственными деятелями, влиятельными политиками, известными журналистами. В дело шли убеждение, лесть, игра на амбициях и противоречиях, прямой или завуалированный подкуп, конфиденциальное ознакомление со всякого рода сенсационными материалами, эксплуатация ранее установленных личных отношений. Но таково были пропагандистские приемы в «экспортном» исполнении. На своей же территории к ним добавлялись контроль и строгое дозирование информации, негласная цензура частной переписки, тайная слежка, обыски и изъятия документов у строптивых или подозрительных журналистов, их профилактические аресты. Большим подспорьем для японского имиджмейкинга стала западная японофильская пресса. Историк Наоко Симазу верно подмечает, что японская пропаганда питалась антиславянскими и антирусскими идеями из британских и американских источников, но затем «реэкспортировала их на международную арену» через ту же прессу Великобритании и США⁸³.

Общую стратегию японской пропаганды вырабатывали первые лица токийского кабинета, а ее «штабом», мозговым центром и дирижерским пультом выступало министерство иностранных дел, в котором одновременно был налажен постоянный мониторинг иностранной печати. Бессменными участниками зарубежного японского имиджмейкинга являлись официальные представители токийского внешнеполитического ведомства, частные лица (или изображавшие из себя таковых), которые как актеры второго плана в дело вступали лишь от случая к случаю. В годы русско-японской войны ключевую роль в создании на Западе выгодного Японии образа сыграли специальные правительственные посланцы – барон К. Канэко, направленный в США, и барон К. Суэмацу, действовавший в Великобритании. Фактически официальный статус обоих не был секретом для современников, да никто особенно и не пытался его скрыть. Их образованность, «светскость», хорошее знание английского языка и давние личные знакомства способствовали тому, что оба быстро стали «своими» во влиятельных политических кругах англоязычного Запада. На страницах десятков западноевропейских

и американских газет и журналов регулярно появлялись их пространные статьи, тексты лекций, речей и интервью, в которых содержались общие характеристики конфликта на Дальнем Востоке, проводились соответствующие исторические параллели, делались прогнозы, а текущие события в Маньчжурии получали нужное для Японии освещение и толкование. Так же синхронно и скоординировано они вносили в нее ситуативные изменения и коррективы, расставляли нужные акценты. По мнению современного японского историка, «выверенная зарубежная пропаганда» явилась одним из факторов, которые обеспечили Японии победу в конфликте с Россией⁸⁴. С этим трудно спорить. Технологии этого имиджмейкинга и его организационные приемы стали не менее важными составляющими конечного успеха.

⁸³ Naoko Shimazu. «Love Thy Enemy»: Japanese Perceptions of Russia. – The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero. Vol. 1, John W. Steinberg & others eds. Leiden-Boston, 2005, p. 366.

⁸⁴ Matsumura M. Introduction. – Suematsu Kencho. The Risen Sun, p. 8.